

ПОНИМАНИЕ ПАТРИОТИЗМА В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

В. Н. Первушина

Государственный университет правосудия, Центральный филиал

Н. М. Морозова

Воронежский институт МВД России

Поступила в редакцию 5 февраля 2024 г.

Аннотация: в статье анализируется понятие «патриотизм», его понимание в контексте русской культуры. Подчеркивается, что культурные универсалии русской культуры определили особое понимание патриотизма, а именно – его связь с судьбой России ее мессианским предназначением и трансформационным скачком.

Ключевые слова: патриотизм, культурный код, всечеловечность, трансцендентность, западники, славянофилы, трансформационный скачок.

Abstract: *the article is dealt with the analysis of the concept of «patriotism» and its understanding in the context of Russian culture. It is emphasized that the cultural universals of Russian culture define a special understanding of patriotism, namely: its connection with the fate of Russia and its messianic destiny and transformational leap.*

Key words: *patriotism, cultural code, humanity, transcendence, Westerners, Slavophiles, transformational leap.*

Светлой памяти наших отцов –
участников Великой Отечественной войны,
настоящих патриотов своей Родины –
*Николая Дмитриевича Первушина,
Михаила Федоровича Морозова*

В первой статье авторы обратили внимание на коренное отличие в понимании патриотизма в американской социологии [1, с. 71], анализируемом с позиции позитивистской методологии, и его осмысление в русской культуре в контексте мессианской роли России и этикоцентризма. Но есть и другие характерные черты русской культуры, оказавшие влияние на особое понимание патриотизма. Это, в первую очередь, ориентация на трансцендентность (жить будущим) и неприятие настоящего, что приводило к недостаточному развитию прагматистско-утилитарного опыта. Подобная тенденция была обусловлена русской версией понимания святости и верой в то, что Царство Божье может быть достигнуто здесь и сейчас (идеи коммунизма). Отсюда анархо-нигилистические тенденции в социальной жизни, радикальные социальные практики, связанные с попыткой приблизить и построить это идеальное состояние, – создать царство Божье на Земле. В этом плане вполне объяснимы (влияние православия) идеи жертвенности и служения, народопоклонства, присущие русской интеллигенции XIX в., а также вера в неизбежный трансформационный скачок, который должна совершить Россия.

Трансцендентность как существенная черта русского культурного кода

Особенности русской культуры во многом также предопределили понимание патриотизма, в том числе еще одну его характерную черту, а именно: ориентацию русского культурного кода на трансцендентность (жить будущим). По выражению П. Я. Чаадаева, «он любил в своей стране... ее будущее» (из письма А. И. Тургеневу от 1 мая 1835 г.).

Эта установка ориентировала общество на оценку действительности с позиции должного, что нашло отражение в особом понимании святости: все должно быть сакрализовано и вырвано из-под власти злого начала, поэтому основной целью объявляется святая жизнь на земле. Для человека в рамках этого мировосприятия свойственна вера в то, что святое состояние может быть приближено во времени и пространстве.

Такая установка приводила к неприятию настоящего, резкой критике реальности, к нигилизму и социальному радикализму. А универсальное понимание христианства (равенство всех перед Богом) определяло тенденцию к отсутствию почвы, отсюда актуальность почвенничества. Такое восприятие христианства делало русских более европейцами, чем сами

европейцы. Русские (христиане) взяли на себя все грехи мира, поэтому актуализировали всемирное «боление» за всех. Тем самым, сформировался новый тип святости – духовный, понимаемый как некое «сверхчеловеческое» благодатное состояние, когда происходит возрастание в духе («творчество в духе»). «Пансакральная установка... объясняет соборный образ святости – Святую Русь». При этом важна не оценка реального состояния России и идеала святости, ей выдвигаемого, а сама направленность на святость и «вера во всеобщее распространение ее в будущем» [2, с. 11]. Идеал Святой Руси противостоит духу «ненавистного разделения» и всегда находил и находит отражение в практике подвижничества, в поисках правды и справедливости. В этом, по большому счету, и состоят русский культурный код и русский тип.

Ориентация на идеальное состояние России и возможность его достижения в будущем приводили к резкой критике реальности от А. Н. Радищева, П. Я. Чаадаева, славянофилов, революционных демократов, анархистов, «непротивленца злу насилем» Л. Н. Толстого до большевиков (В. И. Ленин). На этой почве возникали анархизм, нигилизм, радикальные социалистические идеи.

Славянофилы в лице И. С. Аксакова критиковали деятельность правительства в период проведения русско-турецкой войны 1877-1878 гг., обвиняя его в нигилизме за отрицание «русской народности, православия», «лишенности исторического сознания и национального чувства»: «Ты ли это, Русь-победительница, сама добровольно разжаловавшая себя в побежденную? Ты ли на скамье подсудимых, как преступница... молишь простить тебе твои победы?».

Гневные филиппики Л. Н. Толстого были направлены против власти: «Все, что вы делаете теперь, с вашими изгнаниями, тюрьмами, каторгами, виселицами – все это не только не приводит народ в то состояние, в которое вы хотите привести его, а, напротив, увеличивает раздражение и уничтожает всякую возможность успокоения» [3, с. 133, 156]. По силе критики государства, собственности, властвующей элиты равных Л. Н. Толстому найти сложно. «Объедаться филеями и осетриной» в то время, когда люди страдают от холода, голода и унижения является, по мнению Толстого, преступлением. В дневнике он пишет: «...за обедом Свербеева французские языки и рядом рабы голодные, раздетые, забытые работой. Не могу выносить, хочется бежать» [4, с. 317]. Источником нищеты и бедности, по Толстому, является собственность, в том числе, частная собственность на землю, поэтому вместо модели трудовой жизни в обществе существует «идеал кошелек с разменным рублем». Государство и правительство из-за нее интригуют, мучаются, хитрят, угнетают банкиры, тор-

говцы, фабриканты, ремесленники, землевладельцы. Государство тоже зло, так как является органом насилия. Полиция, правительство, монархи и пр. объявлялись писателем ворами и грабителями.

Близка к позиции Л. Н. Толстого точка зрения анархиста М. А. Бакунина. Революционный Катехизис М. А. Бакунина представлял собой единство идей нигилизма, анархизма и социализма. Все те же – церковь, государство, авторитеты – попадают в поле его критики. Он заменяет культ божества на уважение и любовь к человечеству, провозглашая человеческий разум единственным критерием истины, человеческую совесть основой справедливости, а индивидуальную и коллективную свободы создательницей порядка в человечестве [5, с. 274–279].

В критике правительства славянофилы не отставали от Л. Н. Толстого и анархистов. Ю. Ф. Самарин пишет о необходимости упрощения местной администрации, преобразовании налогов, свободном доступе к просвещению, сокращении придворных штатов и т.д. Но все это, по его мнению, легче совершается только при наличии самодержавной власти. Кроме того, публицист и философ, размышляя о судьбе русского народа, обращает внимание на то, что он чаще уповает на Бога и не верит в свои силы. Для него важны общинные традиции, позволившие создать в допетровской России модель власти, совершенно отличную от европейского феодализма. Для такой модели был характерен союз государства с обществом, а не завоевание и доминирование государства, как в Европе [6].

А. И. Герцен обращал внимание на то, что славянофилы никогда не были сторонниками правительства. Он, характеризуя взгляды славянофилов, отмечал, что славянофилы хотели позаимствовать у прошлого пути, подобные тем, которые сдерживают движение европейца [7, с. 457–459]. Исходя из такого понимания патриотизма, Россия не должна мириться с существующим порядком вещей, а устремиться в будущее.

Тему критики различных сторон российской действительности подхватывала и русская литература: Н. В. Гоголь, М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. А. Некрасов и др. Критика явилась своеобразной чертой русской реалистической литературы (русский критический реализм).

Н. В. Гоголь ярко описывает «неправду старой крепостнической России». Как отмечал Н. А. Бердяев, у Гоголя «нет человеческих образов, а есть лишь морды и рожи, лишь чудовища» [там же, с. 79]. С такой оценкой трудно согласиться. На наш взгляд, писатель больше анализирует, чем обличает. Смешное всегда вызывает у Гоголя раздумье о человеке, его трагической судьбе, о нелепостях общественного строя, в котором властвуют собакевичи. Его, как и

Салтыкова-Щедрина, можно считать проводником идеалов (должного) через отрицание.

У писателя ясно просматривается во всем его творчестве главная тема – прошлое, настоящее и будущее России. Будущее России как бы становится судьей настоящего. В «Мертвых душах» именно такой подход к отображению действительности. Недаром автор выбрал жанр произведения – поэма, в которой «вся Русь явится». Образ устремленной в будущее России воплотился у писателя в птице-тройке, мчащейся в необъятную даль. Подобно птице-тройке летит она мимо всего, «что ни есть на земле», и, «косясь, постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства». Гоголь был убежден в том, что у России великое будущее, поэтому монолог о «птице-тройке» полон патриотического чувства: «Здесь ли, в тебе ли не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца? Здесь ли не быть богатырям, когда есть место, где развернуться и пройти им?».

М. Е. Салтыкова-Щедрина нередко называют продолжателем и преемником Гоголя, да и сам он смотрел на него как на своего учителя. Однако к изображению действительности у них подходы разные. Если смех Гоголя в своей основе направлен на созидание, гуманизм, то смех Салтыкова-Щедрина – непосредственно на подрыв существующих общественных устоев. Недаром И. М. Сеченов называл писателя «диагностом наших общественных зол и недугов». Писатель подвергал критике, судил, высмеивал социальные пороки российской государственности: деспотизм власти, трусость и жадность чиновников, невежество и грубость помещиков, чудовищную по размерам коррупцию, особенно доставалось политической элите, суть деятельности которой – «запрещать и пресекать». Идеологию, которую она несла, определял, как «беззвучное просвещение».

Читая Салтыкова-Щедрина, мы, как и у Гоголя, видим сквозь призму «глуповской» действительности устремленность в будущее, которое писатель называл «новой жизнью» и «городом Умновых». Он верил, что эта новая действительность «непрерывно имеет право быть».

Явления жизни, становившиеся предметом критики автора, воспринимались им как бы в двух плоскостях: реальной и ирреальной. Все, что представляло объективность, не соответствующую идеалу (должному), он отрицал и описывал как несуществующую в идейно-моральном плане. Отсюда весь ряд его «ирреальных» образов: «призраки», «тени», «миражи», «сумерки», «светящаяся пустота», «фантазмагории», «черная дыра жизни». К миру призраков автор добавляет еще мир «кукол» и «масок» – представителей действительности, не имеющей право на существование. Это опять же мир правящей элиты, например, градоначальник-автомат Брудастый, управ-

ляющий обывателями при помощи «органчика» в голове, игравшего две пьесы: одна называлась «Раззорю!», другая – «Не потерплю!».

Многие фразеологические словосочетания подчеркивали эту несовместимость между должным и неподобающим: «вредоносно умен», «душегубствующие любезности», «плавно-пустопорожняя речь», «административные поцелуи», «спасительный начальственный трепет». Министерство финансов писатель называл министерством изыскания источников и наполнения бездны, министерство юстиции – департаментом недоумений и оговорок, министерство государственного имущества – департаментом расхищений и раздач, министерство народного образования – департаментом государственных умопомрачений и пр.

Замечательно его выражение: «Отечеству надлежит служить, а не жрать его».

Несмотря на отрицание многого в прошлом и настоящем России, Щедрин любил свою страну и свой народ: «Я люблю Россию до боли сердечной и даже не могу помыслить себя где-либо, кроме России». Он верил в ее будущее, которое представлялось ему идеальным, в «светлом облаке всеобщей гармонии». Н.К. Михайловский писал, что из произведений Щедрина можно составить «целую хрестоматию веры в будущее».

У Н. А. Некрасова, поэта, прозаика и публициста. «революционного демократа», руководителя литературного и общественно-политического журнала «Современник», редактора журнала «Отечественные записки» также красной нитью проходит идея преобразования России настоящей, чтобы в будущем она стала «могучей и всеильной»: «Покажет Русь, что есть в ней люди, что есть грядущее у ней...». Аллегорически выглядит у Некрасова образ «забытой деревни». Для него вся Россия – это и есть «забытая деревня», где царят великое горе, непосильный труд, безмерные страдания народа. Но и в «забытой деревне» всегда были и есть люди с сильным русским характером, способные на борьбу, подвиг во имя русской земли, готовые идти «в огонь за честь отчизны, за убежденья, за любовь». Такие люди есть и сегодня, проводимая СВО на Украине подтвердила это.

Кстати, некрасовская «тройка» (стихотворение «Тройка») отчасти есть предвестник гоголевской птицы-тройки, олицетворяющей образ России. Дорожные мотивы в русской культуре всегда были проявлением устремленности в будущее. Эти мотивы от фольклорного постепенно перешли в иной круг своего бытования – общедемократический (некрасовскую «Тройку» поет Вера Павловна – героиня романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?»). Уместно вспомнить и «Зимнюю дорогу» А. С. Пушкина, и стихотворение П. А. Вяземского «Еще тройка» («Тройка мчится, тройка скачет...»), и стихотворение

«Сон русского на чужбине» Ф. Н. Глинки («Вот мчит-ся тройка удалая...») и пр. По замечанию И. Н. Розанова «троек» в русской литературе можно насчитать около сотни.

Подобная критика действительности невольно породила нигилистические настроения в обществе. Но, следует заметить, критический настрой деятелей русской культуры, общественных деятелей совсем не говорит о том, что они были лишены чувства патриотизма. Наоборот, каждый из них болел за судьбу России, верил в ее великую миссию во всеобщем историческом процессе. Их критика – это желание видеть Россию процветающей и благополучной, занимающей должное положение в мире. Русские писатели смотрели на литературу как на прямое общественное служение.

Таким образом, приверженность западничеству или славянофильству является условной, когда дело касается патриотизма. Представители как одного, так и другого направления всегда оставались на позициях преданности гуманизму, духу борьбы за общечеловеческие идеалы гармоничного общества. Обличение российской действительности они сочетали с глубоким патриотизмом, именно русским, по мнению П. А. Вяземского, национальным чувством, выражающемся в служении отечеству, «соболезновании» ему. Критика настоящего, радикальные социальные практики, по их мнению, смогут приблизить Россию к идеальному состоянию. Важно заметить, что это не был ура-патриотизм с его восхвалением только своего и отвержением всего чужого. Нет, Россия всегда была открыта для других народов и культур: «все народное ничто пред человеческим. Главное дело – быть людьми...» (Н. М. Карамзин).

Итак, понятие «патриотизм» в русской культуре отличается от общепринятого – просто любовь к Родине, Отчизне, какой она есть. Эта любовь связана со служением России, с ее мессианской ролью для всего человечества.

Как ни парадоксально бы это звучало сегодня, но следует признать, что коммунистический проект был также связан именно с русскими цивилизационными ценностями и оказался осью мирового исторического процесса: создание социального государства; научно-промышленные завоевания; культурная революция, приведшая к созданию лучшей в мире системы образования. Огромный авторитет советского государства на мировой арене был связан с национально-освободительным движением, приведшим к крушению колониальной системы. Коммунистическая идеология стала своеобразным вызовом западному миру и западной угрозе в ее попытке подчинить Россию. Именно коммунистическая идеология позволила сохранить суверенитет России и оказать влияние на большую часть мира.

О патриотизме стали говорить уже в первые месяцы Гражданской войны и военной интервенции. Ленин тогда писал, что настоящий патриотизм – это патриотизм человека, который будет лучше три года голодать, чем отдаст Россию иностранцам [8, с. 146].

Позже вместо тезиса «рабочие не имеют Отечества», высказанного в «Манифесте Коммунистической партии», было провозглашено значение Отечества, Родины как ценности.

В годы перестройки, когда критика, нет не критика, а «очернение» не только советского прошлого, но и тех, кто боролся «с темными сторонами» революционной России – декабристы, представители революционной демократии и т.д., стало mainstream постсоветской культуры. Патриотизм приобрел черты космополитизма с провинциально-американским уклоном. Те, кто являлся адептами этой модели, трудно причислить к западникам/славянофилам русской культуры, для которых любовь к России, чувство настоящего патриотизма было на первом месте. Как бы они не различались по своим взглядам, их объединяла вера в трансформационное преобразование России. Западники оказывались такими же патриотами, как и славянофилы, с той разницей, что славянофилы ориентировались на прошлое, считая себя истинно русскими и присваивая «себе монополию на патриотизм», а западники – на будущее, «обличая темные стороны» прошлого. Но, не взирая на различие (западники в лице революционных демократов звали к разрушению старой системы и соответственно ее целостности), и те, и другие были вооружены единой системой ценностей, лежащей в основе гражданской позиции русского человека.

Герцен подчеркивал это двуединство «западничества-славянофильства», считая его основой «любовь к русскому народу, русскому быту, русскому складу ума» [9, с. 248]. «Головы смотрели в разные стороны – сердце билось одно», сердце, наполненное чувством истинного патриотизма.

Как видим, труды русских философов, писателей оказали огромное влияние на последующее развитие русской культуры, понимание таких фундаментальных понятий как патриотизм, «русский мир», гражданская позиция. Не исчерпаны оно и сегодня.

Неолиберальная экономика, реформа образования по западным лекалам сформировали индивидуалиста-потребителя, ориентированного на успешность и самореализацию. К счастью, переформатировать всех не удалось. В выступлении В. В. Путина (Валдайская речь от 05.10.2023 г.) подчеркивалось, что сегодня цивилизационные проблемы являются для России ключевыми. «Мы – самобытное государство-цивилизация», которое рассматривает другие цивилизации как равноправные и самодостаточные, единственным форматом существования которых

выступает диалоговое пространство в отличие от западной конфликтной модели С. Хантингтона. Отсюда острейшая необходимость «возврата к истокам», повышения качества всей системы образования, нацеленной на ее основную задачу – формирование Гражданина России, настоящего патриота с активной гражданской созидательной позицией. Возврат к истокам предполагает еще раз вспомнить «о национальной гордости великороссов», о сохранении национально-культурной идентичности с опорой на народность, «патриотизм, перед которым мы благогоуем», подразумевающие «личность человечества» (В. Белинский) и предусматривающие ответственность как индивидуального, так и общественного масштаба за будущее страны.

Государственный университет правосудия, Центральный филиал

Первушина В. Н., доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин

E-mail: VeraValen47@yandex.ru

Воронежский институт МВД России

Морозова Н. М., доктор философских наук, профессор, кафедра социально-гуманитарных дисциплин

E-mail: nadezhdamorozova 11@gmail.com

ЛИТЕРАТУРА

1. Readings & Review for Sociology. 2nd ed. New York : Kopf, 1979. 504 p.
2. *Топоров В. Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. М. : Гнозис : Языки русской культуры, 1998. 875 с.
3. *Толстой Л. Н.* Не могу молчать. М. : Альпина Паблишер, 2022. 332 с.
4. *Толстой Л. Н.* Собр. соч. : в 22 т. М. : Худ. лит., 1985. Т. 22. 560 с.
5. *Бакунин М. А.* Избранные философские сочинения и письма. М. : Мысль, 1987. 573 с.
6. *Самарин Ю. Ф.* Избранные труды. М. : РОС-СПЭН, 2010. 541 с.
7. *Бердяев Н. А.* О русских классиках. М. : Высш. шк., 1993. 368 с.
8. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. М. : Политиздат, 1969. Т. 34. 433 с.
9. *Герцен А. И.* Собр. соч. : в 8 т. М. : Правда, 1975. Т. 3. 543 с.

*State University of Justice, Central Branch
Pervushina V. N., Doctor of Philosophical Sciences,
Professor of the Social Science and Humanities Department
E-mail: VeraValen47@yandex.ru*

*Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of
Russia*

*Morozova N. M., Doctor of Philosophy, Professor,
Department of Social and Humanitarian Disciplines
E-mail: nadezhdamorozova 11@gmail.com*